

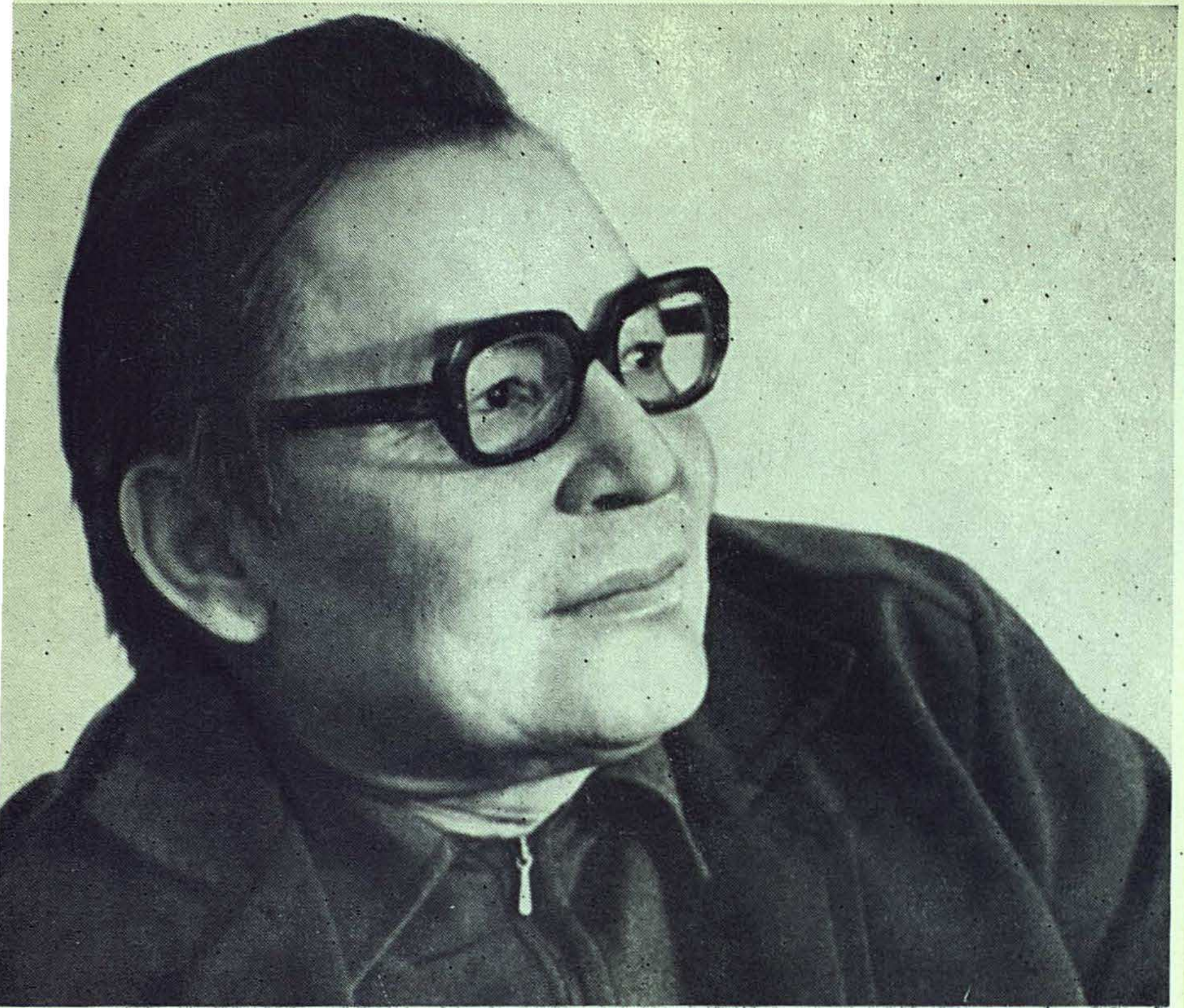
12010

25264K

Agave americana
Hybrida

1

22.11.2011

Абдукаим
Абдураманов

1

Абдулкашим
Нурмиев

Собрание сочинений
в трех томах

Москва
„Молодая гвардия“
1988

л 2010/25264к

894.342-

4304

к

*Александром
Нуровичем*

Том первый

КРОВЬ И ПОТ

Трилогия

Книга первая

Сумерки

Книга вторая

Мытарства

Москва
„Молодая гвардия“
1988

821.

ББК 84Каз7
Н 90

КАЗАКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ

№ **00230478**

КАЗАКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КІТАПХАНА

4702250201—281
Н 078(02)—88

Свод пл. подписных изд. 1988

ISBN 5-235-00140-0 (т. 1.)
ISBN 5-235-00141-0

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1988 г.

БОЛЬ ЕГО И СУДЬБА

«Край этот так же дорог тебе и свят, как родная мать. Он — твоя радость, твоя гордость, он и твоя любовь, и потому тебе страстно хочется, чтобы и другие люди не менее тебя полюбили эту пусть невзрачную, голую, опаленную знойными ветрами выжженную степь...»

Не случайно, предваряя разговор о художественной прозе Абдижамила Нурпеисова, привожу отрывок из его публицистического произведения. Не случайно потому, что публицистика занимает в творчестве писателя особое место, она как бы тот самый родник, из которого вырастает впоследствии полноводная река; именно в публицистике писателя то средоточие писательской боли за судьбу народа, судьбу родной земли, родного Арала, которая наполнила каждую страницу его художественной прозы.

«Утомленные грузом каждодневных тяжких трудов, они лишь вечерами отдыхают. Лица их загорелые, со следами непроходящей усталости. И говорят они голосами тихими, хриплыми. Но в такую минуту стоит прибежать с улицы чернявому карапузу, который, шмыгая носом, забирается на отцовы колени, и тут вы бы видели, как всю усталость вдруг словно рукой сняло, и морщинистые лица, сразу смягчаясь, засветятся изнутри от нахлынувшего прилива нежных чувств... Иногда думается, не из-за таких ли стариков и тянет нас в аул? Вот улетели мы далеко, свили себе и своему потомству гнездо в другом краю, но все равно никто из нас не в силах порвать связь с родной землей, на-

век срослись с нею пуповиной. Да-а, она, земля твоих предков, — и твоя колыбель».

А. Нурпейсов признается в «тоске по родному краю». Из этой тоски, то есть обостренного до боли чувства любви к родной земле и ее народу, и вырастает его проза.

В своем «Слове об учителе» — классике казахской литературы Мухтаре Ауэзове, авторе романа-эпопеи «Путь Абая» — А. Нурпейсов пишет: «Ауэзов был влюблен в свой народ, в степь, в стихию природы. Его поражали жизнелюбие и правдивое величие, щедрость духа, стойкость, терпеливость, выносливость родного народа...»

Но так же, как и Ауэзов, влюблен в свою степь и населяющих ее людей и Нурпейсов. В ней, в этой любви, — истоки, питающие творчество любого большого писателя, потому что только из этого обостренного чувства народности и может возникнуть подлинно эпическая проза.

Эпопея «Путь Абая» М. Ауэзова была первой казахской эпопеей и, вне всякого сомнения, творческой школой А. Нурпейсова. Сам Абай, этот, по характеристике писателя, «могучий скорбный певец степи», а также продолжатель дела Абая и исследователь его жизни и творчества Мухтар Ауэзов — учителя Нурпейсова. От них воспринял он традиции гуманизма и интернационализма, выраженные в словах Абая: «Мне радостно, что я не только сын казаха, но и сын всего человечества». Традиции, которые, как неоднократно подчеркивает Нурпейсов, пришли к ним из русской культуры.

Тема русской культуры, русской литературы, значения творчества Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. М. Горького и для самого писателя, и для всей казахской литературы сквозной нитью проходит через публицистику А. Нурпейсова.

Именно этот взгляд, это органическое соединение национальной традиции и духовного, идейно-художественного опыта великой русской литературы и вызвало затем к жизни такое своеобразное явление, как эпическая проза А. Нурпейсова. Ее отличительные черты — глубинная, органическая народность, последовательный историзм и столь же последовательная бесстрашная социальность.

В сборнике «Толгау. Раздумья» Абдижамил Нурпейсов так писал о замысле романа «Кровь и пот»: «...Меня интересовали не столько столкновения героев... то есть не последовательная цепь событий, сколько характеры и судьбы наших отцов и дедов. Что и говорить, нелегко писателю придумывать оригинальные, интригующие события. На мой взгляд, гораздо труднее... нащупать, уловить сущность самого характера, этого живого дви-

E:\18.09.13\abdr1\abdr1++.lit_page 10
гателя всех событий. Но чтобы создавать значительные произведения, недостаточно... успокоиться находкой оригинального характера, а надобно еще художнику уметь видеть социальную значимость этого характера».

Итак, социальная сущность характеров и исторических судеб отцов и дедов — вот что в первую очередь интересовало писателя, когда он задумывал роман «Кровь и пот». Задумывал как роман не просто исторический, но — социальный, роман, пропикающий в суть тех коренных перемен, которые принес Октябрь его родному казахскому народу.

И грандиозный этот замысел, и его воплощение обнаружили писателя, достойно продолжающего и развивающего в своем творчестве эпические традиции классика казахской литературы М. Ауэзова на новом, более близком к современности историческом материале. Писателя, роман которого при всем ярко выраженном национальном своеобразии не ограничен национальной традицией, а внутренним пафосом своим близок лучшим произведениям советской прозы. Близок тем, что объектом писательского исследования являются народ и история, характеры и судьбы отцов и дедов на крутом переломе истории, в предреволюционные и революционные годы. В центре внимания писателя вопрос — почему народные массы многонациональной дореволюционной России в конечном итоге пошли за большевиками?

Ответ на этот и подобные ему вопросы невозможен без глубокого и объективного исследования самих глубин народной жизни, вне постижения того, что именуется философией истории. Этим, по всей вероятности, и объясняется все возрастающая роль и значение в прозе последних лет эпического начала, проявляющего себя в лучших произведениях современности — романах Ф. Абрамова и И. Мележа, О. Гончара и Й. Авижюса, К. Симонова и Ю. Бондарева...

Какая неотложная потребность времени вызвала к жизни и развернула по фронту литературы этот жанр? Что это за потребность? Она выражает духовные нужды нашего времени, когда столь явственно обозначилось внутреннее стремление людей осмыслить самую жизнь и свое место в ней, соотнести современную нам действительность с идеалами дедов и отцов, понять исторические судьбы народов в соотношении с личной судьбой и судьбой человечества. Этим, безусловно, и продиктован возрождающийся интерес к социально-эпическому роману.

Однако далеко не всякий роман может претендовать на то, чтобы называться эпическим. Лишь обращение к важнейшим историческим событиям народной жизни, наличие в романе философии истории, глубокого художественного постижения законо-

В лучших произведениях этого жанра, к которым, бесспорно, относится и трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот», с особой отчетливостью проявились эти черты, а именно: народность, историзм, углубленный философский, мировоззренческий подход к изображению действительности.

Одна примечательная особенность: судьба народа, страны постигается нашей прозой прежде всего и главным образом через судьбы крестьянства, что обнажает генетическую связь современного эпоса с величайшим романом советской литературы — «Тихим Доном». Продолжение традиций шолоховской прозы мы находим в творчестве самых различных наших писателей. В том числе и в творчестве А. Нурпеисова.

В романе А. Нурпеисова «Кровь и пот» создана целая галерея народных характеров, выявляющих становление новой народной психологии и нравственности на величайшем переломе не только в отечественной, но и мировой истории.

Писатель ввел нас в мир — сложный, исполненный драматических противоречий мир казахского народа начала XX века. И вот каково убеждение художника, сформированное жизнью, преданиями, углубленным изучением прошлого: при всей нужде и унижающей человеческое достоинство бедности, бесправии, только трудовой казахский народ, только он — носитель высокого, одухотворенного, подлинно человеческого. Мы убеждаемся в этом, когда знакомимся с такими крупными, ярко очерченными народными характерами, как Еламан, — образ, возникший как бы на пересечении современной реалистической прозы и героического восточного эпоса, или Кален — характер определенно романтический, о чем говорят и чисто внешняя его обрисовка, и поведение его, и судьба, но при всем этом — вполне достоверный и подлинно народный. Именно эти характеры и им близкие — носители нравственных начал казахского народа — совести, чести и добра.

А. Нурпеисов исследует непростой путь пробуждения общественного самосознания в этих людях — путь от патриархальной подавленности и пассивности к осознанию себя личностью, готовности к общественному протесту, а потом и к трудной, поначалу неравной борьбе. Путь, который по естественным и неумолимым законам жизни, выявленным в трилогии с подлинной художественностью, приводит Еламана и Калена к большевикам. И пусть не все в равной мере удалось автору трилогии — заметно слабее главы, повествующие о пребывании Еламана в белой ар-

ми, куда он был направлен «со специальным заданием», — впечатляет та глубина постижения жизни казахского народа в его историческом движении к интернациональным идеалам социалистической революции, которые утверждали на самых дальних окраинах царской России большевики.

Мы видим, что истоки этого движения — социальные и одновременно нравственные. Трилогия А. Нурпеисова современна именно нравственно-философским взглядом своим на закономерный путь казахского народа в революцию и социализм, художественным утверждением той высокой истины, что революция и ее люди привлекали сердца трудовых казахов высокой идейностью, подлинным гуманизмом, не ощутить который было невозможно.

Роман «Кровь и пот» убеждает нас: эксплуататоры, как местные (в романе создан удивительный по силе и точности характер молодого казахского бая Танирбергена), так и пришлые (русский купец Федоров, сын его — Федоров-младший) не имеют ничего общего ни с человечностью, ни с гуманизмом, ни с нравственностью. Они живут по иным, нечеловеческим законам, которые неприемлемы для трудового народа, — вот почему Федоров и Танирберген, невзирая на всю силу характера, незаурядный ум и лисью хитрость последнего, обречены на поражение, вот почему, невзирая на все их ухищрения, угрозы и хитрости, не идет за ними народ.

Трилогия А. Нурпеисова покоряет яркостью национальных характеров, тонкостью психологического анализа, мастерским описанием быта и национального характера казахов. Национальное своеобразие ощущается и в самом жизненном материале, и в языке героев, и в авторском слове, и во всей атмосфере, в каком-то особом аромате повествования.

Но сила этого незаурядного творения казахского художника слова (в блистательном переводе Юрия Казакова) не только в этом. Она — в глубинном интернационализме авторской позиции, выверенной социально-классовой точке зрения на прошлое родного народа, исключаящей (даже при глубокой любви к самому народу) какую бы то ни было идеализацию патриархальной старины. Трилогия наполнена глубоким философским осмыслением исторической судьбы родного народа, всей нашей интернациональной страны.

«Что знали, например, о русских его отцы и деды? — размышляет в романе Еламан. — Всегда говорили одно и то же, что русские — кафыры, иноверцы. Недоверие и даже ненависть были у казахов к русским. Но понимали ли они душу этого народа, знали ли его тревоги и беды? А вот, оказывается, и у русских были свои бедняки и свои бай, и у русских были свои ба-

тыры, которые в час великих испытаний бросали гордый клич и звали свой народ на борьбу. А сколько, оказывается, было у русских храбрых бунтарей, всю жизнь свою проведших в неволе, в кандалах... Нет, видно, народы познают друг друга и объединяются только в борьбе, только на пути к свободе.

Вчера на похоронах двадцати восьми зарубленных плакали все — русские и казахи».

Иные из критиков упрекали писателя в некоторой замедленности и как бы растянутости повествования. Однако, по справедливому наблюдению казахского литературоведа Ш. Елеукенова, автор трилогии «Кровь и пот» ставит задачей проследить за изменением души отсталого, забитого человека в связи с катаклизмами социальной жизни. Это-то и «придало ритму романа, — указывает критик в книге «Литература и современность», — замедленность и некоторую скованность, что соответствует реальности Казахстана тех лет, где патриархально-феодалный и колониальный гнет на века задерживал ход времени, развитие общества». Нельзя не согласиться с критиком и в том, что действие третьей книги романа — «Крушение», — как бы «подчинившись» стремительному натиску революционной бури, разворачивается куда стремительнее, динамичнее, чем в первых двух.

Внутренняя соразмерность ритмов романа, его неторопливых интонаций ритму и интонациям казахской жизни начала века, характерам его героев и обуславливает во многом психологическую достоверность повествования. С большой психологической правдой и точностью исследован здесь тот объективный исторический и внутренний, психологический путь, который привел неграмотного казахского рыбака Еламана к принятию революции, к осознанию ее целей и задач. «Что бы там ни было, он решил повернуть к новой жизни. Он понял, что без революции его народ не может жить дальше. А революции нужно учиться у русских», — таков итог, которому предшествовал долгий путь. «Душа Еламана мытарствовалась», ища его, пишет А. Нурпейсов, и если бы автор прошел мимо внутренних «мытарств» Еламана, сократив и тем самым упростив его путь в революцию, роман во многом утратил бы свою достоверность.

Достоверность, правдивость повествования обуславливают и привольные, богатые красками картины народной жизни, неповторимые народные характеры, населяющие роман. На первый взгляд столь щедрое бытописание в романе, сообщающее ему столь ясно выраженный национальный колорит, может показаться самоцелью. Однако это не так. Автор и в самом деле увлечен раздольем, широтой и многоцветьем красок народной жизни, которую он великолепно знает, о которой пишет с любовью и без утайки, но жестко, без прикрас. Беспощадная правдивость изоб-

ражения обнажает отношение автора к миру собственности и дикости патриархальщины, к тому, что Ленин называл «азиатчиной». Перед нами проходят такие колоритнейшие характеры, как «путающийся» у всех под ногами Судр Ахмет, воплощающий патриархальные начала казахского народа, или честный, но бессильный духом рыбак Мунке, обаятельнейшие, но жалкие в своем бесправии женщины, — скажем, прекрасная в своей любви к Еламану и глубоко несчастная Акбала... Мы постигаем народные обычаи и поверья, распространенные среди казахов, их образ жизни, прелесть и тяжесть национального существования. И чем глубже познаем мы эту своеобразную, но тяжелую жизнь, тем очевиднее становится нам неизбежность прихода Еламана и таких, как он, в революцию.

«Вечно несчастный край! — с тоской думает о своей родине Еламан. — В извечной возне со скотом народ этого края сам превратился в покорный скот». В горечи этих слов — натура бунтаря, муки совести и добра, извечно поднимавших лучших людей этого края на борьбу против угнетения, бесправия, бесчеловечности. Недаром через весь роман проходит мотив верности свободлюбивым подвигам предков, мысль о том, что казахский народ, такой мирный и робкий с первого взгляда, свято хранит память о своих богатырях, знаменитых батырах.

Один из прадедов Еламана был батыром. Дикой, пугливой девочке Айганше, полюбившей Еламана, он также видится «человеком особенным». Она увидела его впервые тогда, когда после убийства купца Федорова Еламана везли в острог. «Закованный в кандалы, поднявший руку на грозного русского бая, он показался ей человеком из неведомого, таинственного мира, героем. Она часто вспоминала его. И в мечтах ее бедный рыбак становился сказочным богатырем».

Так, эпос реалистический, наполненный бытописанием, поднимается до эпоса героического.

Трилогия «Кровь и пот» являет собой заметную главу в том героическом эпосе революции, который вот уже много лет создается советской литературой.

Человек и природа — такова еще одна из самых главных, фундаментальных проблем, которые волнуют советскую литературу, что выражает объективную историческую потребность времени. Ибо чем интенсивнее социально-экономическое развитие в условиях социализма, чем больше люди берут от природы, тем с большим вниманием и ответственностью они должны подходить к сохранению и воспроизводству окружающей среды.

«Само существование человечества в будущем в прямой за-

висимости от того, быть или не быть природе», — говорит один из героев романа А. Нурпеисова «Долг». Человек не имеет права быть бездумным и бесконтрольным потребителем природы, ибо «все драгоценное, чем обладает человек», — всего лишь долг, должок, которые следует в предписанный срок вернуть, или одолжение, за которое должно сполна воздать».

Роман «Долг» развивает ту гуманистическую традицию советской литературы, которая утверждалась романом «Русский лес» Л. Леонова, повествованием «Царь-рыба» В. Астафьева, повестями «Прощание с Матерой» и «Пожар» В. Распутина, романами «Строговы» и «Минувшему веку» Г. Маркова, прозой В. Белова и Г. Матевосяна, публицистикой С. Залыгина, В. Чивплихина, О. Волкова и многих других, выступавших в защиту природы от бездумного и бездушного ее потребления. И это — при наличии огромных запасов природных богатств в нашей стране в сравнении с другими странами мира.

В чем тут дело? Дело, несомненно и прежде всего, — в социальной зоркости, высокой нравственности нашей литературы, ее гражданской совести, обостренном понимании той истины, что сегодня природа нуждается в защите и относиться к ней по-старому нельзя.

Этому и посвящен роман А. Нурпеисова «Долг». Острота социального звучания романа определяется особым драматизмом ситуации, положенной в его основу: судьбой Аральского моря, погибающего вследствие резкого сокращения притока пресной воды, которая идет на орошение безводных ранее пустынь.

Роман свидетельствует: ситуация эта не просто экологическая, но и социальная, и при этом — далеко не однозначная, выявляющая всю сложность и драматизм объективных противоречий развития действительности.

Уходит из Арала вода, следом — рыба, и уходит с аральских берегов бывшая еще совсем недавно такой полнокровной жизнью. Именно эта-то обескровленная, утратившая полноводье жизнь приаральского рыболовецкого колхоза, которым руководит председатель Жадигер, и составляет предмет художественного исследования в романе «Долг».

«Благодатная колыбель моих предков, пустынной травую-горечью ты поросла, горькой солью подернулась!..» — с душевной мукой размышляет о судьбе родного края Жадигер. «И точно этого соленого песка ему сыпанули в глаза, веки набухли горячим и влажным потом. Комок неразрешимой любви-тоски поднимался в груди, подкатывал к горлу, и он с трудом сглотнул, подавил его в себе, до боли закусил губы и застыл в воспоминании, замер».

Кто посмеет попрекнуть потомственного приаральского рыба-

ка Жадигера его горем? Нет ничего печальнее заброшенного человеческого становища, когда не осталось вдоль побережья ни людей, ни песен, ни бывшего разнотравья.

Однако и в этих тяжких, экстремальных условиях рыбаки, которых все меньше, обязаны выполнять свой трудовой долг.

«Долг» — роман не только острых, крутых ситуаций, но и столь же крутых, сильных, резко очерченных человеческих характеров. Его главная коллизия напряженна и сложна: поставленные волею судеб в обстоятельства воистину экстремальные и для большинства вдобавок непонятные (еще вчера изобильный Арал вдруг начал катастрофически терять и воду, и рыбу), труженики моря в этой изнурительной борьбе за ускользающие уловы до конца раскрывают свои характеры, светлое и низкое в них.

Трудовые и житейские отношения в колхозе на этом трудном перевале его судьбы сложны и противоречивы. «С тех пор, как море стало мелеть, лишая рыбацьи аулы своей щедрости, стали мелеть и души людей. Люди теряли главное: осмысленность своего труда, а следовательно, — и своего бытия».

И когда Жадигер приезжает на далекую холодную и безрыбную путину, когда видит, что от рыбаков вновь отвернулась удача, ему печем ответить на их гневные слова, кроме как одним — остаться вместе с ними и работать рядом, до конца, не щадя себя.

Авторитет председателя кроется не в словах (он говорит мало и не любит пустобайства), но в деле, поступках, в реальном отношении его к труду, в беспощадности к себе и личном мужестве.

Одна из самых впечатляющих сцен в романе — когда доведенный в погоне за рыбой до отчаяния председатель садится вместо шофера в машину с рыболовецкими снастями и гонит ее на другую сторону озера по ненадежному, хрупкому первому льду. Глава эта написана с большой психологической силой и глубиной. Отчаянный, губительный бросок этот для Жадигера — не просто погоня за рыбой, но вызов судьбе, всем противоречиям ее как в трудовой, так и в личной жизни. «И ты понял, что выжил, что в отчаянной этой схватке с жестокосердной своей судьбой тебе хотя бы раз, но удалось-таки достичь цели. Невелика, может, цель, но удалось».

Характер Жадигера, вот уже тринадцать лет после окончания института возглавлявшего приаральский рыболовецкий колхоз, — пожалуй, главная авторская удача в романе «Долг». Характер крупный, глубинный, противоречивый, далекий от идеального, он своей цельностью, совестью и неуступчивой жизненной силой напоминает в чем-то Михаила Пряслина из романа Федора Абрамова «Дом». Это тот же подлинно народный характер, чьи жизненные принципы растут из глубинных основ жизни и

сформированы веками труда и борьбы человека на земле. Напоминает своей неуступчивой прямоотой, редкостным трудолюбием, бескорыстием, стремлением не брать, но отдавать себя людям. И конечно же, неисчерпаемой любовью к своему краю, тем высоким и светлым патриотическим чувством, которое и составляет основу подлинного, общесоветского интернационализма.

Жадигер запечатлен в романе в тяжкий для него момент поражения и полного одиночества, на берегу пустынного, бурного моря, куда он прискакал в отчаянии и беде, чтобы наедине с собой разобраться в себе и подвести итоги своей жизни. Прискакал, узнав страшное: жена Бакизат ушла к его сопернику и недругу Азиму.

Предательство жены столь глубоко ранит Жадигера еще и потому, что Бакизат оказалась в стане принципиальных его противников. В стане тех, для кого не существует ничего святого, кроме них самих, их маленьких интересов и пошлых страстей.

Тема обмеления Арала в романе неразрывно переплетена с темой обмеления человеческих душ. По убеждению автора, так же как Арал мелеет из-за недостатка притока воды больших рек Сырдарьи и Амударьи, так и людские сердца мелеют, иссушаются в эгоизме, когда прерывается их внутренняя связь с полноводной рекой народной жизни. По отношению к таким людям в романе «Долг» звучат резкие, подчас сатирические ноты.

Герой романа ни в коей мере не занимает позицию консервативно-утопическую, направленную против использования природных богатств для блага человека в принципе. Его позиция ясная и цельная: Жадигер — за умное, бережное использование природных богатств, он — за «природу производящую». За научный, вдумчивый, экологически выверенный подход к ней.

По совету секретаря обкома партии Жадигер совершает путешествие по двуречью — некогда пустынной песчаной долине между Сырдарьей и Амударьей и своими глазами видит, что стало с этой когда-то безлюдной Голодной степью. Он видит простирающиеся во всю необъятную ширь хлопковые и рисовые поля, он узнает, что люди, которые еще два-три десятилетия назад бедствовали здесь без воды, живут ныне богатой и привольной жизнью. Так как же отнестись ко всему происходящему, какую позицию занять? Жадигер занимает единственно возможную для нравственного человека позицию. «Значит, не испарилась в воздухе и не канула в подземную пучину живительная вода, и в чем-то не напрасны ни страдания старика Арала, ни наши преходящие человеческие страдания», — размышляет он.

Но понимая это и радуясь процветанию земли соседей, Жадигер задает себе, людям, обществу тревожный вопрос: «Неужели же такие жертвы неизбежны?» Вопрос — за которым пони-

мание всей сложности проблем нашей действительности в неукротимом, но далеко не всегда ровном, часто — противоречивом развитии.

Острая необходимость в ответе на этот вопрос очевидна как герою, так и автору книги. Автор мучительно ищет этот ответ. Ответ же таится, видимо, в таких подлинно современных решениях, которые диалектически точно, научно, выверенно сочетают и экономические интересы человека, и сохранение природы: природы как бесценного богатства, которое дает, будет давать жизнь и нынешним и последующим поколениям.

И в этом — в осознании необходимости обязательного двуединства, неразрывной взаимосвязи экономического и экологического начал как обязательном законе жизни в условиях социализма — новое качество общественного сознания, которое уже формируется в нашей жизни и ростки которого автор высветил в своей книге.

С огромным уважением говорится в романе о подвиге отцов, когда они в памятные послевоенные годы создавали рукотворные моря, прокладывали каналы, сооружали плотины, осваивали пустыню. «Именно здесь, где ты стоишь сейчас, где мирно плещется ныне рукотворное море, бились они, дети разных наций, разных языков и наречий, съехавшись сюда со всех концов необъятной страны, бились так, как в мипувшей войне, выполняя свято и упорно свое назначение и свой долг на земле». И их труд дал результат: «...Шутка ли, когда пятую часть всего риса в стране выращивают вот эти присырдарьинские крестьяне?»

Но результат неоднозначный. Ибо отдаленная экологическая перспектива этих преобразований была в ту пору скрыта не только от строителей. При неразвитом экологическом сознании и ощущении безмерности наших природных богатств на первый план нередко выходили соображения быстрой и ощутимой экономической выгоды. Вот только определить экологическую плату за эту сиюминутную выгоду мы в ту пору не всегда умели, расходуя природные богатства с бесшабашным размахом, не желая экономить ни на чем.

Тревога Жадигера — это тревога за завтрашний день. Но уже сегодня необходимо учиться разумному хозяйствованию, иначе наш неоплатный долг перед природой будет катастрофически расти. На взгляд Жадигера, это хорошо понимали наши предки с их предельно бережным, хозяйским отношением к воде: «В Средней Азии и в южных областях Казахстана издавна трудятся дехкане. Сотни лет возделывают землю... земледельческая культура была здесь высока с незапамятных времен. Дехкане всегда знали цену земле и воде, берегли и то, и другое...» Как же не понимать этого сейчас?

Работая над романом, А. Нурпеисов написал горькую и страстную статью «О судьбе Арала». В пору застоя она не один год кочевала по редакциям и увидела свет лишь в эпоху перестройки, гласности и демократизации нашей жизни. В статье А. Нурпеисов в предельно сжатой форме сумел передать не только свою боль за Арал, но и тревогу по поводу часто бездумного, безответственного отношения человека к природе вообще. Он справедливо пишет о том, что при разработке проектов каналов, гидроэлектростанций и водохранилищ наши специалисты, как правило, не принимают в расчет неизбежного ущерба, наносимого природе.

«Хорошо, — замечает он, что сейчас уже не стоит вопрос, как прежде, об изменении и покорении природы. Сейчас вроде бы учимся — правда, пока что на словах, — бережно относиться к природе-матушке, понимая как умом, так и сердцем хрупкость и нежность этого огромного мироздания. И вроде бы отказались от прежнего односторонне-потребительского отношения к ресурсам. Хоть и запоздало, но все-таки стали понимать, что планета не одним нам принадлежит, она никогда не была собственностью одного лишь поколения. Планету, если хотите, мы берем взаймы у потомков, потому нам и следует передать ее будущему поколению не как обносок со своего плеча, а в ухоженном, облагороженном виде».

История и природа родной земли — таковы глобальные темы, питающие творчество А. Нурпеисова.

Высвечивая в своих произведениях коренные проблемы современности — проблемы взаимоотношений человека с историей и природой, глубоко исследуя эти отношения во всем драматизме правды, через реальные столкновения и конфликты, через масштабные, народные характеры, Абдижамил Нурпеисов с честью выполняет свой долг перед родной землей, перед народом.

Феликс КУЗНЕЦОВ

КРОВЬ И ПОТ

Трилогия

Авторизованный
перевод с казахского
Юрия Казакова

Книга первая

Сумерки

Друзья мои! Чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть в открытом море, где одна тоненькая дощечка, как говорит Виланд, отделяет нас от блаженной смерти.

Н. М. Карамзин.
Остров Борнгольм

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Сухопарая, возбужденная Каракатын, задыхаясь, вбежала в землянку. Бросив у печурки охапку кривых сучьев, она подобрала подол бязевого платья и опустилась на колени возле свекрови, монотонно баюкавшей внука. На потолке светилось единственное окно. Оно было затянуто тугой, прозрачной бараньей брюшиной. На дворе был ветер, солнце садилось, и этот матовый пузырь слабо, розово светился. Он почти не давал света, и в комнате стояла такая темнота, что лица старухи не было видно, только едва белел жаулык над ее головой.

— Ай-яй, какой срам! — радостно сказала Каракатын. — Ты знаешь младшего брата Каратаза? Танирбергеном его зовут... — Она передохнула, облизываясь. — Так вот гляжу, этот Танирберген останавливается у Еламана. Конь весь в мыле, загнал совсем... К седлу заяц и лиса приторочены. А заяц — с козленка, ей-богу, не вру! Теперь слушай... И кто же к нему выскакивает? Акбала! Он ей что-то говорит, а она, сука, к ноге его жметя, а сама за штаны из седла его тянет. Ну начал он ее тут щупать! Потаскуха она! У, гадина!

В эту минуту в землянку целовко вобрался муж. Был он крупен, силен и каждый раз не входил, а протискивался в землянку. Каракатын кинулась к печурке разводить огонь. Она суетилась в темноте, искала огниво,

опрокинула стоявший под ногами чугунный чайник с водой, потом споткнулась о пустое ведро. В доме поднялся грохот.

— Да чтоб пусто вам было! Чтоб вы сгорели! Да чтоб вы пропали все! — вопила Каракатын, сваливая все на ребятишек. Но она не могла долго кричать, потому что мысли ее теперь были заняты другим.

А хозяин молчал. Он давно привык ко всему этому. Привык к нечистоте, к лени Каракатын, к ее крикливости и к тому, что в доме нет уюта.

Несколько мерзлых рыбешек в сетке бросил он прямо у дверей, и рыбешки глухо брякнули. Потом, стоя у порога, стащил с себя мокрую одежду с обледенелыми рукавами и тоже бросил. Потом прямо в сапогах сел на кошму.

Каракатын, забыв про все, улыбалась. Она стояла на коленях перед печкой, опираясь на руки, заглядывала в топку — там еле тлел огонек. Подув раза два на огонь и отодвинувшись, она опять ухмыльнулась.

— А Еламан-то... Вот дурак-то! Какую женушку отыскал...

Аккемпир тяжело повела глазами на сноху: «Лучше бы на себя посмотрела! Обрадовалась!»

— Измучился, бедняга! — вдруг вспомнила Каракатын о муже. — Целый день не ел... Давай сапоги сниму.

— Сам сниму, — буркнул Дос. — Поторопись с обедом.

Некоторое время все молчали. Огонь в печке разгорался.

— Ты, случаем, не глянул на дом Еламана? — спросила Каракатын у мужа, и опять на лице ее появилось удовольствие.

В ауле она больше всех не любила молодую жену Еламана. Не любила за ее молодость, за красоту, но больше всего за то, что Дос в раздражении всякий раз упрекал ее Акбалой. И вот теперь Каракатын торжествовала: в доме Еламана, у Акбалы, сидел молодой джигит.

— Ай да Акбала! — все повторяла Каракатын, и глаза ее весело и яростно блестели. — Прямо днем, а? И хоть бы могла чего-нибудь с мужиком, а то ведь не может — лежит, как пузатая верблюдица.

— А ну, хватит! — оборвал Дос, стягивая сапог.

Свет померк в глазах Каракатын. Ей вдруг стало холодно, нехорошо, душно. Вот же, вот — и Акбала ока-

залась шлюхой, а что с того? Мужу все равно, и Каракатын в его глазах все такая же...

— Да что же это! — трахнула она кочергой о землю. — Молчи да молчи! Все время молчи! Она — беспутная тварь, а ты — молчи! Весь аул ненавидит эту суку, а я — молчи! Да она и забрюхатела от Танирбер...

— Э! — Дос с размаху хватил жену сапогом по голове. Удар был так силен, что Каракатын чуть язык не прикусила. Слезы мгновенно брызнули у нее из глаз, в носу защипало, она задохнулась.

Дос был человек тихий, серьезный, но иногда внезапное бешенство охватывало его, и тогда трудно было с ним справиться. Перехватив сапог поудобнее, со страшным лицом, он было привстал, но Аккемпир вдруг вскочила, вырвала сапог и бросила к двери.

— Перестань! — сказала она властно. — Плохую жену побоями не исправишь!

И Каракатын, зная, что муж ее теперь больше не тронет, повалилась на пол и заголосила. Она знала, что муж не пожалеет ее, она не искала заступника в этом доме. Знала она свою беспомощную, жалкую долю, знала, что никуда не годится, что муж и свекровь всегда правы.

Ребятишки, до этого молчавшие, тоже заревели во весь голос. В темной комнате, освещенной только багровым неверным светом из печки, начался такой крик, что Дос, нашарив и натянув кое-как снятый было сапог, выскочил на улицу. Ему даже жарко стало от бешенства. Он схватил на ходу лом и побежал было уже к дому Еламана: «Я им покажу! Они сейчас у меня...» — яростно думал, глядя на гнедого скакуна в серебряной сбруе, привязанного у дома. Но тут заметил человека, бредущего со стороны залива. Остановился, пригляделся и узнал Еламана. Тогда, повертев лом, он отвернулся, будто вышел посмотреть на запад, узнать, какая завтра будет погода. Потом еще больше разозлился, плюнул и пошел домой, с печалью думая о друге.

II

Зима наступила давно, вернее, должна была наступить давно, но все еще не по времени стояли теплые дни и море не замерзало. Да и сильный постоянный ветер дул из степей, уносил тонкий ледок и шугу в открытое море.

Только со вчерашней ночи зима наконец установилась: хватил крепкий мороз, и утром весь широкий залив Тущыбас, насколько хватал глаз, был затянут сплошным льдом.

Лед был тонок еще, но рыбакам так не терпелось, что Еламан, Мунке, Дос и Рай вышли на лед. Лед мягко колыхался у них под ногами, потрескивал, и рыбаки, чтобы не быть всем в одном месте, далеко разбрелись. Они держались близко к берегу и тянули свои сети по мелководью. Кое-кто из них, привыкнув к треску и проседанию льда, принимался уже мурлыкать себе что-нибудь под нос — очень все радовались, что сегодня вечером не будут пустовать их котлы.

Особенно радовался Еламан. Часто поднимал он голову, глядел на освещенный солнцем ледяной залив. Слабый ветер с берега гнал по льду снежную крупку, и бесконечно и серебристо вилась по гладкому льду поземка. Глядел Еламан на сияющую поземку и видел, как кормит он вечером ухой свою брюхатую жену. Не один раз еще с вечера выходил он из дому к морю, смотрел, как теряет свой блеск вода, покрываясь льдом, будто затуманиваясь, как одна за другой гаснут в ней звезды. Выходил он и ночью, пробовал лед у берега пяткой, и ему казалось, что крепко. Тогда он совсем выходил на лед и, боясь поскользнуться, провалиться, делал несколько шагов от берега. И опять оказывалось крепко.

Тогда он вынес на лед и, пробив несколько лунок, поставил сеть. А на рассвете проснулся, послушал, как дышит жена, вылез из теплой постели и пошел ловить рыбу.

Он был одинок здесь, на льду, в море. Других рыбаков он как бы не замечал — с ним была только его привычная работа, небо над головой, и еще с ним были его мысли. И он думал, что он одинок не только в море, но и в жизни. Он думал, что из близких в ауле живет его единственный двоюродный брат Рай. Но Рай еще молод и тоже сирота и живет у старой бабушки.

Он думал, что и жена его тоже одинока, и родители ее живут далеко, что она дочь кочевника и сильно тоскует. Он воображал, как она жила раньше дома. Он думал о ее юрте, о медленно передвигающихся вдали, волнующихся, переливающихся в степи серых и бурых пятнах. Это были стада, они паслись вдалеке, и только один-два всадника маячили над ними и над степью. Это были верблюды и овцы, и вечером они возвращались

к юрте, и в юрте зажигался огонь в очаге, и овцы перхали, а верблюды сопели в темноте и ложились спать, и от них хорошо пахло шерстью и молоком.

Конечно, ей трудно было здесь, на ветреном бугре, над морем, в этой скудной жизни. А она красива была, цвет лица имела нежный, и, конечно же, первыми невзлюбили ее женщины аула. Что могла она им ответить? И разве виновата была, что оказалась красивее и наряднее даже девушек в этом бедном ауле? Ни к кому не ходила она в гости, а если случалось ей идти аулом — шла, высоко подняв голову, сумрачно поводя по сторонам темными красивыми глазами. И о ней думали нехорошо.

Еламан даже кряхтел, вспоминая все это. Он не понимал, как можно говорить плохо о ее красоте. Но он не понимал сначала и другого. Ну хорошо, она горда и равнодушна к соседям, но и к нему она была равнодушна. А ведь он был один ей близкий человек здесь, и он любил ее.

Скучны, тяжелы были его вечера. Когда он уходил в море, ему дышалось свободнее, работа занимала его. Он думал о рыбе, о ее приходах и уходах, думал о ветре, о солнце, о погоде и обо всем, о чем может думать человек на воле. Думал он и о жене, и в море ему казалось, что она должна любить его, что она привыкнет...

Но вечерами ему было плохо. Он смотрел в глаза жены и видел в них отчужденность. И как рыба в море приходила и уходила, и он знал, когда она приходит и уходит, но не знал *почему*, так и тут — он видел, что что-то проходит в глазах и лице жены, но не знал *что*, а знал одно только, что это не он, не его жизнь живет в глубине ее души.

Заставал он ее заплаканную, спрашивал, отчего у нее слезы, но она отворачивалась или вовсе выходила, и в такие минуты на лице ее не было ничего, кроме тупого упрямства.

И Еламан постепенно убедился, что на душе у жены, как дым, лежит горе. А какое горе — он не знал. Он только понял, что она — ее лицо, ее руки, ее тело — с ним, а душа — далеко. До него доходили слухи, что она девушкой любила молодого мурзу и замуж за рыбака идти не хотела. Но он старался об этом не думать. Когда он начинал об этом думать, ему становилось горячо и душно. Как наяву, видел он тогда ее губы — вот они